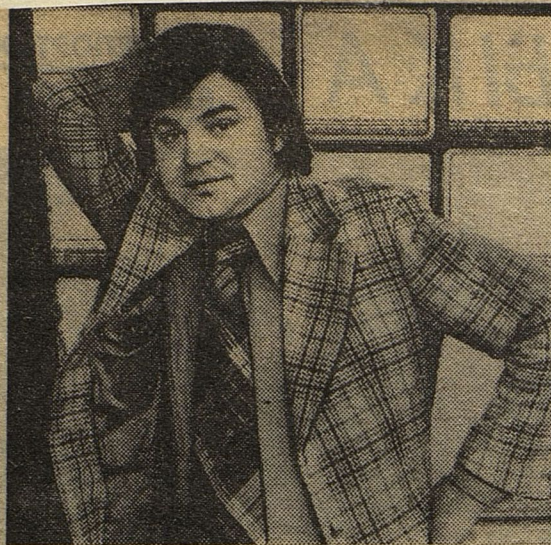

Завтра — Международный День театра. День, когда суммируются успехи и взвешиваются проблемы. И день, когда невольно заглядываешь в будущее, когда взгляд останавливается на тех, кому сегодня между двадцатью и тридцатью. Ближайший резерв театра, те, кто через пять — десять лет будут определять его судьбу...

Молодой актер, пришедший в театр, чтобы сказать «свое слово», возможность такую, как правило, получает. Но что он желает сказать, всегда ли это интересно? И достаточно ли убедительно само «слово»? Наконец, что мешает актеру высказаться отчетливо и ясно?

Вот примерный круг вопросов, который определили для своей беседы наш корреспондент Г. КОСТИН и режиссер и актер академического театра драмы им. М. Горького С. НАДЕЖДИН.

Пришел, чтобы сказать...

— Сергей Музафарович, может быть, начнем с констатирующей части? Всего сезон прошел, а «рывок» молодых очевиден. Звание заслуженной артистки РСФСР получила Ж. Романенко, говорят, что она — самая молодая заслуженная артистка республики. Здесь же, в академическом театре драмы, работает и самый молодой лауреат Государственной премии РСФСР В. Борисов. Первые премии на областном конкурсе творческих работников, посвященном 60-летию Октября, тоже разделили молодые — солистка балета В. Пономаренко и актриса ТЮЗа А. Гудзева. Третью премию на том же конкурсе получил молодой артист театра кукол Л. Митрофанов...

— Перечисление можно продолжить. Были ведь не только премии, но и удачи в отдельных спектаклях, интересные дебюты, вводы. Но и проблем, увы, не убавилось...

— Проблемы есть, но желания осмыслить их что-то не очень заметно. Помните недавнюю конференцию ВТО, посвященную молодым? Никак не скажешь, что зал в тот день ломился от желающих присутство-

вать. Да и среди тех, кто пришел, большинство давно уже перестало относиться к молодежной категории. Парадокс, однако, заключается в том, что именно они говорили наиболее интересно и значительно. Многие же из молодых в своих выступлениях «размечивались» на мелочи... Впечатление, что им не о чем было говорить — наболели не проблемы бытия, а частности быта.

— Вот мы и подошли и главному: гражданской позиции художника. Не случайно в эту проблему так или иначе упиралась на конференции все выступления. Интересные и неинтересные — они обрисовывали ее по-своему. Немолодой М. Лазарев говорил, что часто не может услышать четкой сформулированной позиции: хочу от искусства то-то и того-то... Молодой Г. Зиминков признавался, что раньше главным казалось, как играет актер, теперь важно, что и во имя чего играет.

Суть одинакова: необходимо четкое осознание себя в искусстве, постоянный «тренинг личности», готовность «выстрелить» в любую минуту.

Мне не раз приходилось слышать, что вот Юра Демич, конечно, способный актер, но не попади он в «обойму», «не поставь на него» П. Монастырский, неизвестно еще, что было бы...

Но ведь П. Монастырский и «ставил» на Ю. Демича потому, что видел в нем личность. Юра в 25 лет сыграл Гамлета. Но еще раньше, в 20—22 года, были Глумов, Жадов, Валентин и Валентина». Масштаб актера — профессиональный, личностный — был к тому времени очевиден. Кстати, Гамлета репетировали пять актеров, кое-кто из них даже несколько спектаклей сыграл, но в памяти остался один Демич. Для него это была не просто главная роль — он должен был «выговориться» в Гамлете, тут была своя тема, свой большой нерв. Демич за три года до премьеры знал, что будет играть Гамлета и готовился к нему, больше года они репетировали в кабинете Монастырского и только когда стало ясно, что получается, «Гамлет» был объявлен и началось распределение остальных ролей. Сейчас спектакля нет в репертуаре театра, хотя формально его, конечно, можно было бы возобновить, и публика, наверное, ходила бы. Но это уже был бы другой «Гамлет», точнее, «Гамлет» без того Гамлета...

— Кстати, о больших и маленьких ролях. Месяц назад в «Литературной газете» была опубликована интересная, на мой взгляд, статья актера театра и кино Алексея Петренко. Я бы хотел процитировать из нее небольшой абзац.

«В спектакле Московского молодежного театра-студии на Красной Пресне «Я пришел дать вам волю...» стоит где-то на краю круга шестнадцатилетний артист Саша Михайлов. В действии почти не участвует, даже не освещен. Но так одержимо, наполненно существует «на окраине» сюжета, вне поля зрительского внимания, что уже и не удивляет в спектаклях этого театра такое высокое напряжение, фантастическая самоотдача. Художник этого же театра Юрий Люблин вот уже пять лет бесплатно выдумывает декорации, строит их наравне со всеми, таскает на себе, играет в спектаклях...»

Вам не хочется прокомментировать эти слова?

— Хочется. Потому что это даже не о «больших и маленьких ролях», это — о театре. Или еще шире — об искусстве, о месте в нем. Я сам много играл и хорошо знаю, что такое для актера большая роль. Но я никогда не понимал и сейчас не понимаю пренебрежения к роли маленькой. Или к роли в «несолидной» пьесе. Год назад я ставил сцену и почти физически ощутил, как тяжело «раскачать» актера, как трудно преодолеть силу внутреннего сопротивления: считается, что детская сцена — это пустяк, на-

никулярный спектакль.

А я вот невольно вспомнил, что первой моей ролью в Воронеже, у Монастырского, был Шарик в «Двух кленах» Е. Шварца. Собачка Шарик. И у меня до сих пор самые лучшие воспоминания о той работе и о спектакле. Между прочим, сразу после Шарика мне дали Карла в «Жаворонке» Ж. Ануя.

Конечно, молодые хотят играть, должны играть, просто обязаны пробовать себя в разных измерениях. Сейчас часто возникают самостоятельные студии, создаются экспериментальные сцены, образуются театры второго, третьего или пятого этажа. Чаще всего они недолговечны: год-два, иногда несколько месяцев. Все зависит от масштаба и таланта руководителя, точности его программы.

— Но и эти временные образования — свидетельство потенциальной энергии молодых, их возможностей. Они возникают и в самодеятельности: та же студия Спесивцева на Красной Пресне, экспериментальная студия Юденича, театр Муравца в нашем политехническом, толяттинский камерный театр...

А профессионалы? Есть «малая сцена» в ТЮЗе и как итог — два интересных спектакля... Шел разговор об экспериментальном объединении на базе Дома актера... Вот и все. Не слышишь, несмотря на почтенный возраст, вечно обновляющееся и потому всегда молодое искусство. Надо стремиться быть его ровесником. А для этого есть только один способ: самому оставаться молодым.

Поэтому решающим остается отношение к профессии, понимание ее сути, готовность отдать театру все.

Актер обязан быть настроен на сцену. Может быть, это самое главное и самое трудное в профессии: уметь посвятить жизнь театру. Без навыков, без всякого переносного смысла. То, что в старину называли служением святому искусству. Никого не удивляет, что, скажем, Роднина и Зайцев ведут жизнь аскетов, отказывая себе в удовольствиях, доступных любому другому: большому спорту беспощадно. Но ведь и большое искусство не терпит компромиссов.

Я могу назвать Веру Алenskую, Ершову, — ее жизнь в театре — это жизнь для театра и ради театра. Могу вспомнить Ю. Демича и Н. Засухина — они были на редкость неистовы в работе, В. Яськову, Н. Михеева. Могу привести другие имена.

Но ведь так же легко всплывают в памяти и разбитые мечты, несостоявшиеся судьбы, на годы отброшенные надежды — и не потому, что не было таланта, единственно из-за того, что человек изменил театру, человек видеть в нем нечто большее, чем ремесло...

— Что ж, так и кончим на этой грустной ноте?

— Почему же грустной? Я не думаю, что молодые сегодня хуже, чем были вчера. Мы ведь и начали с констатации их успехов — действительно, заметных. Но театр, несмотря на почтенный возраст, вечно обновляющееся и потому всегда молодое искусство. Надо стремиться быть его ровесником. А для этого есть только один способ: самому оставаться молодым.